
МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ

YOUNG SCIENTIST

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 2. Art. ID m12s04a10.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 2. Art. ID m12s04a10.

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10.ichhgo>

EDN: <https://elibrary.ru/ICNHGO>

Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. В. Карташёв)

В. Л. Бондарев¹✉, А. В. Леонов²

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что идеи философов русского зарубежья о «справедливой войне», которые долгое время оставались за рамками системного анализа, позволяют по-новому взглянуть на проблему соотношения силы и любви, жертвенности и насилия. В современную эпоху, когда стираются моральные границы в вооруженных конфликтах, обращение к интеллектуальному наследию русской эмиграции способствует выработке критериев духовно оправданного применения силы. *Цель исследования* — раскрыть общее и особенное в подходах к пониманию «справедливой войны» философами русского зарубежья первой половины XX в. *Новизна исследования:* выполнен комплексный сравнительный анализ принципов «справедливой войны» в позициях И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и А. В. Карташёва. Особое внимание уделено реконструкции взглядов А. В. Карташёва, чья позиция ранее не становилась предметом специального историко-философского исследования в контексте проблемы «справедливой войны». *Методология исследования:* работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов историко-философской реконструкции и герменевтики. *Результаты исследования:* выявлена общая для всех современных исследователей отправная точка в теме «справедливой войны» — отказ от толстовского непротивления злу, — а также рассмотрена специфика каждого подхода. Сделан вывод, что философы русского зарубежья углубили западную теорию «справедливой войны» до онтологического и религиозно-этического уровня. Для них война — духовно-нравственный акт в «падшем мире», оправдывающий силу исключительно как крайнее средство любви и жертвы, требующее от человека высочайшей духовной чистоты, чтобы самому не стать орудием зла. *Теоретическая и практическая значимость:* результаты исследования могут быть использованы как в целях повышения уровня философского профессионализма у преподавателей философских дисциплин, так и для получения знаний, умений и навыков философствования обучающимися.

Ключевые слова: справедливая война, философы-эмигранты, интеллектуальное наследие, христианский дух, сопротивление злу, насилие, эсхатология войны, духовно-нравственный акт, высшие ценности, жертвенность, любовь

© Бондарев В. Л., Леонов А. В.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Бондарев В. Л., Леонов А. В. «Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. В. Карташёв)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m12s04a10.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10> EDN: ICNHGO.

Original article

Idea of just war in the Russian diaspora philosophy in the first half of the 20th century (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. V. Kartashev)

V. L. Bondarev¹✉, A. V. Leonov²

^{1, 2} State University of Education, Moscow, Russia

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Abstract. The study *relevance* lies in the fact that the ideas of Russian diaspora philosophers about the “just war”, which have long remained outside systematic analysis, allow taking a fresh look at the relationship problem between power and love, sacrifice and violence. In the modern era, when moral boundaries are being erased in armed conflicts, the appeal to the intellectual heritage of Russian emigration contributes to the development of criteria for the spiritually justified use of force. The study *purpose* is to reveal the common and special approaches to understanding the “just war” by Russian diaspora philosophers in the first half of the 20th century. The study *novelty*: a comprehensive comparative analysis of the principles of “just war” in the positions of I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank and A. V. Kartashev has been carried out. Special attention is paid to A. V. Kartashev’s views reconstruction, whose position had not previously been the subject of special historical and philosophical research in the context of the “just war” problem. *Methodology*: the work is based on a systematic approach using the methods of historical and philosophical reconstruction and hermeneutics. *Results*: a common starting point for all modern researchers in the topic of “just war” has been identified — the rejection of Tolstoy’s non-resistance to evil — and the specifics of each approach have been considered. It is concluded that the Russian diaspora philosophers have deepened the Western theory of the “just war” to an ontological and religious-ethical level. For them, war is a spiritual and moral act in a “fallen world” that justifies force solely as an extreme means of love and sacrifice, requiring the highest spiritual purity from a person so as not to become an instrument of evil himself. *Theoretical and practical significance*: the study results can be used both to increase the level of philosophical professionalism among teachers of philosophical disciplines, and to gain knowledge, abilities and philosophical skills for students.

Keywords: just war, emigrant philosophers, intellectual heritage, Christian spirit, resistance to evil, violence, war eschatology, spiritual and moral act, higher values, sacrifice, love

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Bondarev V. L., Leonov A. V. “Idea of Just War in the Russian Diaspora Philosophy in the First Half of the 20th Century (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. V. Kartashev)”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 13.2 (2026): m12s04a10. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10.ichhgo>

Введение

Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. представляет собой уникальный синтез традиционной христианской мысли и трагического исторического опыта, — интеллект-

ального наследия, обусловленного русской революцией, Гражданской войной и Второй мировой войной, а также острой необходимостью осмыслить борьбу со злом в новых, тоталитарных формах. Именно такой тяжелый исторический контекст вывел тему

© Бондарев В. Л., Леонов А. В.

«справедливой войны» на новый уровень остроты именно в эмигрантской среде. Следует отметить, что философия в среде русской эмиграции была весьма неоднородной, демонстрируя разновекторность в понимании как судьбы России в целом, так и судьбы отдельного человека, обнаруживая как общие черты, так и различия в подходах. Здесь можно увидеть и акцент на духовном преодолении, и акцент на праве силы, и глубинную рефлексию в рамках этической дилеммы.

Однако общей отправной точкой для всех философов-эмигрантов стал отказ от толстовского непротивления злу силой — позиции, которую большинство мыслителей считали неприемлемой и даже безнравственной в условиях столкновения с тотальным злом, каковым они полагали не только нацизм, но и большевизм. Все они, в конечном итоге, искали третий путь, пролегающий вне пацифизма, ведущего к капитуляции перед злом, и вне циничного макиавеллизма, пренебрегающего моралью и движимого эмоциональной холодностью и расчетом, когда «цель оправдывает средства».

Говоря о степени разработанности проблемы, следует начать с тематики истории русской философии и философии войны — с работ В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Р. А. Гальцевой, И. И. Евлампиева, В. В. Сербиненко, Г. С. Кузьминой, А. В. Белова. Проблеме насилия, этике сопротивления злу силой, рассмотренных в ведущих трудах И. А. Ильина, посвящены работы Н. П. Полторацкого, Ю. Т. Лисицы, А. С. Цыганкова, Г. К. Гульбина. Авторитетом в изучении историософии войны и персонализма является Н. А. Бердяев, продолжили изучение вопросов этого направления науки Я. В. Бондарева, М. А. Колеров. Задачи социальной философии и христианского реализма в рамках этики С. Л. Франка, его полемики с Л. Н. Толстым и И. А. Ильиным представлены в трудах Г. Е. Аляева, Т. Н. Резвых, И. В. Цвык. Центральной фигурой науч-

ного сообщества, исследующего проблемы историософии и церковно-государственных отношений, признан А. В. Карташёв, проблемам его научной сферы посвящены исследования современных ученых М. В. Назарова, М. В. Шкарковского.

Анализ литературы показывает, что тема справедливой войны в философии русского зарубежья разрабатывается фрагментарно. Наиболее полно исследована этическая концепция И. А. Ильина о сопротивлении злу силой, вызвавшая обширную полемику. Историософские аспекты войны, раскрытые в творчестве Н. А. Бердяева, также получили всестороннее развитие в современных исследованиях. Вклад С. Л. Франка в эту проблему, особенно его поздняя этика, становится предметом изучения лишь в последние годы. Вместе с тем воззрения А. В. Карташёва — на войну в контексте церковной истории и национальной идеи — еще ждут системного анализа. Комплексный сравнительный анализ концепций справедливой войны И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и А. В. Карташёва остается актуальной научной задачей.

Ильин: позиция «сопротивление злу силой»

Данная позиция, обоснованная в сочинении И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» (Ильин, 1925), представляет собой краеугольный камень разгоревшейся в эмигрантской среде дискуссии. Следует отметить, что именно И. А. Ильин дал наиболее системное обоснование теме войны и борьбы со злом, суть которого трактовалась им как самостоятельная, активная сила, «духовная зараза», стремящаяся к расширению. Философ занял бескомпромиссную позицию борьбы со злом, в первой четверти XX в. для него зло было воплощено в большевизме.

Оправдывая обязательное применение силы в борьбе со злом, Ильин писал о том, что физическое пресечение и принуждение

представляет собой последнее, трагическое средство, оправданное любовью к добру и жертвой отчизне, спасением многих жизней; воин-борец был переведен на метафизический уровень «орудия Божьего дела на земле»: «Непротивление злу есть поощрение зла; есть попустительство злодею; есть отказ от прекращения злодейства. Непротивление есть погрешение против любви, есть отказ от помощи страждущему и угнетаемому. Непротивление есть одобрение и допущение злодейства» (Ильин, 2017: 67). Но для того чтобы война стала справедливой, необходимо сформулировать для нее правильный мотив, а именно — любовь к добру, а не ненависть к врагу, — встать на путь самопожертвования, а не мести. Кроме того, справедливая война должна обрести духовную правомерность, стать «делом духа», а не инстинкта, оформиться в «духовную очевидность» правоты. Поэтому целью такой войны становится не уничтожение противника, а его духовное перерождение — «развязывание» в нем добра, — при этом победа есть «внутреннее обращение побежденного». Экзистенциальный характер результатов справедливой войны обуславливает у И. А. Ильина и особые ее средства, исключая такие называемые средства зла, а именно — ложь, террор, тотальную жестокость, — поскольку такие средства развращают самого борца, обесмысливая победу: «Меч духовен не сам по себе, а духом, который его избрал, направил и применил. Меч есть только возможность, которая становится духовною действительностью лишь через волю и дело человека» (Ильин, 2017: 43).

Бердяев: трагизм и эсхатология войны

С иных позиций рассматривал проблему справедливой войны Н. А. Бердяев, размышляя о ней через призму экзистенциальной трагедии. В основу его рассуждений заложена антиномия, парадокс, непреодолимое противоречие в трактовке феномена войны:

с одной стороны, война является безусловным злом и грехом, с другой — отказ от сопротивления представляет собой еще большее зло (как, например, в случае с нацизмом) и гораздо больший грех. Такая позиция сильно напоминает утилитаризм Гельвеция, с точки зрения которого нравственным можно считать то, что несет благо для большинства. У Бердяева этот «утилитаризм наоборот» трансформируется в трагический выбор меньшего зла: «...рационалисты и позитивисты бывают в принципе против войны, они обычно склоняются к пацифизму. Люди же религиозные легче принимают войну с ее ужасами и не восстают принципиально против войны, хотя и сознают ее зло» (Бердяев, 1990: 105). Именно поэтому философ не приемлет выражения «священная война», критикуя любые попытки абсолютизировать и «освятить» войну, превратить ее в крестовый поход. Последствия такой тотальной войны гораздо более трагичны, чем сама война, — это фанатизм и дегуманизация. В этой части весьма рельефно проявляется бердяевская эсхатология: война предстает как знак глубокого кризиса человечества, проявление «неокончателности» земной истории. Подлинный мир для Бердяева возможен только в Царстве Божием, в земных же условиях человек обречен на бесконечный мучительный выбор, ввергающий его в тяжелое, трагическое напряжение.

Франк: этика жертвы и «духовная брань»

С этических позиций, в ином ракурсе, рассматривал феномен справедливой войны С. Л. Франк: в ракурсе участника он понимал войну как своеобразное «несение креста», поскольку истинный христианин смиренно видит участие в войне как долг и служение ближним. С точки зрения мыслителя именно духовное ядро («духовная брань») является определяющим элементом войны, гораздо более важным, чем война внешняя: внутренняя борьба с собственным грехом,

с озлоблением, с соблазном превратиться в того, с кем борешься, — и есть главное предназначение любой борьбы. Приоритет духовного начала в такой войне объясняется необходимостью для воина сохранить в себе образ Божий, не стать «зверем». И напротив, победа, купленная ценой утраты человечности, превращается в пиррову победу, в иллюзию победы. Здесь важно подчеркнуть парадоксальность позиции С. Л. Франка, которая заключалась в двойственном подходе к феномену войны: с одной стороны, война есть трагедия и зло, но с другой, иногда участие в ней может быть духовным долгом, — долгом защиты высших ценностей. Это ключевой момент, который отличает С. Л. Франка от пацифистов или милитаристов (Франк, 1992, 2003).

Карташёв: война как необходимое зло

Тема справедливой войны ярко выделяется в фокусе исследований представителя русской эмигрантской мысли Антона Владимировича Карташёва (1875–1960), несправедливо обделенного вниманием современных исследователей истории философии. Сразу уточним, что А. В. Карташёв более историк церкви и богослов, чем философ, он не разрабатывал отдельную теорию «справедливой войны». Несмотря на это, его взгляды на войну и справедливость тем не менее можно реконструировать через его богословские работы и общественную позицию и выделить четыре основополагающих позиции.

1. *Война как трагическое, но иногда необходимое зло.* Как христианский мыслитель Карташёв исходил из того, что война — следствие греховности мира: да, идеалом, безусловно, является мирное состояние, но в «падшем материальном бытии» иногда приходится прибегать к силе для защиты высших ценностей.
2. *Защита Отечества и веры как главный критерий справедливости.* Для Карташёва, глубоко укорененного в русской православно-
- славной традиции, справедливой является прежде всего оборонительная война, направленная на защиту: Родины (как исторической и культурной ценности, «священной земли»), веры и Церкви (от поругания и уничтожения), невинных людей (от насилия и порабощения), культурных и духовных основ национальной жизни. Мыслитель проводил прямую параллель между защитой государства и защитой веры, что было характерно для русской концепции «Святой Руси». Участие России в Первой мировой войне Карташёв активно поддерживал, так как полагал Первую мировую как справедливую оборонительную войну против германской агрессии, принимая во внимание исторические факторы. Не последним для него был фактор «защиты славянских братьев» (сербов), а также фактор духовной битвы за сохранение христианских цивилизационных начал перед лицом немецкого «милитаризма» и «материализма». В статьях 1914–1917 гг. (Карташёв, 1915, 1916а, 1916б, 1922, 1923, 1926) мыслитель использовал риторику «войны за право и справедливость», видя в России носительницу высших духовных идеалов.
3. *Война как искупление и духовное испытание.* А. В. Карташёв рассматривал страдания войны не только как наказание, но и как очистительное испытание, способное пробудить в народе духовные силы, чувство жертвенности и единства. В этом проявляется его богословский взгляд на историю как на путь Промысла Божьего, даже через тяжкие испытания.
4. *Резкое неприятие войны гражданской и идеологической.* Если война с внешним врагом могла быть оправдана, то Гражданская война (последовавшая за событиями 1917 г.) и войны, ведущиеся ради утопических или богоборческих идеологий (как большевизм), для Карташёва являются величайшей трагедией

и злом: такие войны способны разрушить не только государство, но и душу народа (культуру).

В эмигрантский период в публикациях Карташёва четко звучала нота защиты ценности национального бытия: после революции, в эмиграции, автор развивал мысль о праве нации на самоопределение и защиту своего исторического лица. В условиях Второй мировой войны эта позиция привела его (как и многих других эмигрантов) к сложной дилемме: как относиться к СССР, который явился не только заменой (для многих нежеланной) старой Руси, но и жертвой, и защитником русского народа? Карташёв, оставаясь непримиримым антикоммунистом, видел в войне нацистской Германии против СССР прежде всего войну на уничтожение России как таковой. Именно поэтому мыслитель, не оправдывая советского режима, считал сопротивление агрессору делом в высшей степени справедливым и патриотическим.

В чем же заключается отличие позиции А. В. Карташёва от классической теории «справедливой войны»? Возможно, в формуле «меньше юрицизма, больше духовности». Это не столько формальные критерии (законная власть, правое намерение, последнее средство), сколько оценка войны с точки зрения ее духовного смысла и последствий для религиозно-национального организма. Мыслитель делает акцент на соборности и жертвенности, поскольку справедливая война является общим делом всего народа («соборный подвиг»), а не исключительно прерогативой государственной власти. Кроме того, Карташёв последовательно придерживается историософского подхода, т. е. рассматривает войну в широком контексте Божьего замысла о народе и его историческом пути.

Таким образом, для А. В. Карташёва война могла быть справедливой, если она имела оборонительный характер, велась за сохранение веры, национально-

культурной идентичности и жизни невинных людей и если в ней рельефно проявлялся дух христианской жертвенности и соборности. Его взгляд — это православно-патриотическая интерпретация проблемы войны и мира, где справедливость измеряется не столько юридическими, сколько духовно-нравственными и историческими категориями. Россия, писал мыслитель, всегда выходила на свои войны как на тяжкий крестный подвиг, наваливавшийся на нее Промыслом Божиим; она шла не завоевывать, а защищать или освобождать (Карташёв, 1953: 181–210).

Общие принципы «справедливой войны» в понимании русской эмиграции

Таким образом, в первой половине XX в. в среде философствующих эмигрантов, оказавшихся в эпицентре геополитических драм (революция, мировая война), феномен справедливой войны стал точкой пересечения противоположных взглядов и объединяющей духовной платформой, поскольку обнаружил несколько фундаментальных принципов «справедливой войны», общих для всей эмигрантской научной интеллигенции.

Становится очевидным, что первым и главным объединяющим принципом является принцип *справедливой причины*, согласно которому война оправдана исключительно сопротивлением очевидному, тотальному, некомпенсируемому злу (например, геноциду, уничтожению основ человеческого достоинства, веры, культуры). Для многих эмигрантов это война против нацистской Германии, а позже — гипотетическое освобождение России от большевизма, в котором многие из них усматривали разрушительное, антихристианское начало, противопоставляя его духовности: «Совершенно духовный человек есть совсем не „безоружный“ человек, а человек, у которого все оружие — духовно, начиная от взора и слова и кончая последними средствами» (Ильин, 2017: 36).

Вторым общим принципом можно считать принцип *правого намерения*, лежащий в основе главного целеполагания, а именно — восстановление права, порядка и возможности духовной жизни, но никак не места, экспансии или тотального уничтожения. «Путь меча есть трагический путь; но иной путь в условиях земного бытия есть путь измены, предательства и лжи», — писал И. А. Ильин (Ильин, 2017: 104).

Третий принцип формулировался как *власть, имеющая право объявлять войну*. Впрочем, с реализацией этого принципа наблюдались определенные сложности, поскольку эмигранты не обладали легитимной властью, что подвигало эмигрантскую общественность сместить акцент на моральный авторитет и ответственность каждого человека перед Богом и совестью.

Четвертый принцип — *пропорциональность и различие* — содержательно пересекается с первым: в справедливой войне средства должны быть адекватны цели, что, в свою очередь, налагает запрет на террор против мирных граждан, пытки, идеологизацию ненависти. Так, в борьбе с большевизмом предлагалось различать «режим» и «народ», поскольку объектом борьбы является идеология и система, а не соотечественники, ставшие ее заложниками: «Дело не в том, чтобы „не противиться“, а в том, чтобы противиться правильно: без злобы, без ненависти, без исступления, без сладострастия, но с духовной силой, с чувством ответственности, с ясностью цели, с внутренней чистотой и с любовью к человеку, в котором надо победить зло» (Ильин, 2017: 10).

Безусловно, в трудах русской эмиграции были и *контекстуальные особенности*, например, в контексте отношения к роли СССР во Второй мировой войне. Отношение к своей бывшей Родине стало поистине грандиозной драмой, самым болезненным вопросом для многих эмигрантов. И. А. Ильин, А. В. Кар-

ташёв усматривали в войне шанс на освобождение России с помощью внешней силы и считали ее справедливой войной против тоталитаризма — как гитлеровского, так и сталинского. Другие (в частности Г. П. Федотов) были уверены, что, сражаясь с гитлеровской Германией, русский народ защищает родную землю и потому его патриотический порыв, вне всякого отождествления с «режимом», заслуживает всемерной поддержки. Наконец, в рассуждениях о войне и ее результирующей в эмигрантской среде рельефно проявлялись *эсхатологические настроения*, поскольку война и революция для этих мыслителей представляли собой визуализированный образ Армагеддона, предвестие конца истории, что, в свою очередь, придавало их размышлениям особую остроту.

Заключение

Выделены общие принципы в подходах к пониманию справедливой войны философами русского зарубежья: у Ильина это системное обоснование силы как духовного акта, у Бердяева — трагический парадокс войны, у Франка — акцент на внутренней «духовной брани», у Карташёва — православно-патриотическая интерпретация оборонительной войны. Таким образом, философы-эмигранты не просто творчески освоили западную теорию «справедливой войны», но, осмыслив ее, углубили до онтологического и религиозно-этического уровня. Для них война явилась не политическим, а духовно-нравственным актом, трагической необходимостью в «падшем мире», которая требует от человека духовной чистоты, жертвенности и постоянного «внутреннего трезвения», чтобы самому не стать частью того зла, с которым приходится бороться. В интеллектуальном наследии русской эмиграции центральной идеей является оправдание военной силы лишь как крайнего средства, коррелированного с любовью и жертвой, а не с правом или ненавистью.

Список литературы и источников / References

- Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М.: ИМА-Пресс, 1990. 286 с.
 Berdyayev N. *The Philosophy of Inequality: Letters to my Contemners, Concerning Social Philosophy*. Transl. Fr. S. Janos. Mohrsville, PA: Frsj Publ., 2015. 406 p.
- Ильинъ И. *О сопротивленіи злу силою*. Берлинъ: Тип. Об-ва «Presse», 1925. 224 с.
 Ilyin I. *On Resistance to Evil by Force*. Berlin: Tip. Ob-va "Presse", 1925. 224 p. (In Russian).
- Ильин И. А. *О сопротивлении злу силой*. Изд. 6-е. М.: Даръ, 2017. 480 с. Б-ка паломника.
 Ilyin I. A. *On Resistance to Evil by Force*. Transl. K. Benois. N. p.: CreateSpace Independent Publ., 2018. 242 p.
- Карташёв А. В. «Большое начинание». *Русское слово* 54 (1915): 2.
 Kartashev A. V. "Grand Beginning". *Russkoye slovo* 54 (1915): 2. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Не молчание». *Церковь и жизнь* 1 (1916b).
 Kartashev A. V. "Not Staying Silent". *Tserkov' i zhizn'* 1 (1916b). (In Russian).
- Карташёв А. «Политика и Церковь». *Русская мысль*: ежемес. лит.-полит. изд. I/II (1922): 286–296.
 Kartashev A. "Politics and Church". *Russkaya mysl': ezhemes. lit.-polit. izd.* = *Russian Thought* I/II (1922): 286–296. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Почему нам дорога Великая Россія?» *Борьба за Россію* 1 (1926): 8–11.
 Kartashev A. V. "Why Is Great Russia Precious to Us?" *Bor'ba za Rossiю = Lutte pour la Russie* 1 (1926): 8–11. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Православие и Россия». *Православие в жизни*: сб. статей. Под ред. С. Верховского. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 181–210.
 Kartashev A. V. "Orthodoxy and Russia". *Pravoslaviye v zhizni*: collection. Ed. by S. Verkhovski. New York: Chekhov Publ. House, 1953. 181–210. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Пути единения». *Россия и латинство*: сб. статей. Berlin, 1923. 141–151.
 Kartashev A. V. "Ways of Solidarity". *Rossiya i latinstvo*: collection. Berlin, 1923. 141–151. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Церковная политика». *Русское слово* 20 (1916a): 1.
 Kartashev A. V. "Church Policy". *Russkoye slovo* 20 (1916a): 1. (In Russian).
- Франк С. Л. *Духовные основы общества*: сб. М.: Республика, 1992. 511 с. Мыслители XX века.
 Frank S. L. *Spiritual Foundations of Society*: collection. Moscow: Respublika, 1992. 511 p. (In Russian). Мыслители XX века.
- Франк С. Л. *С нами Бог*. М.: АСТ, 2003. 751 с. Philosophy.
 Frank S. L. *God Is With Us*. Moscow: AST, 2003. 751 p. (In Russian).

Информация об авторах

Бондарев Василий Леонидович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Леонов Алексей Владимирович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Авторский вклад

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Information about the authors

Vasily L. Bondarev — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Aleksey V. Leonov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Author Contributions

The authors have made equivalent contributions to the preparation of article.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025, одобрена после рецензирования 21.03.2026.
 The article was submitted 24.12.2025, approved after reviewing 21.03.2026.